ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, профессора Пишуна Сергея Викторовича на докторскую диссертацию «Идея синергии в русской культуре» Татьяны Павловны Берсеневой (специальность 24.00.01 – теория и история культуры)

В эпоху культурных изменений и глобализации остро встаёт вопрос о сохранении национальной, цивилизационной идентичности. При этом основной проблемой является выработка такой модели общественного устройства, при которой стало бы возможным сочетание заимствований, в том числе в области культуры с приверженностью базовым ценностям своего социума. Ключевую роль здесь играет религиозный фактор, который позволяет поддерживать духовную жизнь социума. История нашей страны не является здесь исключением, если мы говорим о традиционной культурной жизни, приверженности собственным базовым ментальным идентичностям.

В отечественной культурологии, философии и религиоведении мы можем встретить интересные исследования, посвящённые анализу феномена культурной идентичности, который, как правило, связывают с православными корнями нашей цивилизации, истоки которых – в византийской богословской и философской традиции. Важным составным элементом данной традиции является идея синергий, потоков божественной и человеческой энергий, которые, по мысли некоторых византийских авторов, могут соединяться в акте молитвы, «умного делания». Диссертация Т.П. Берсеневой посвящена анализу синергийного аспекта отечественной культурной жизни. Автор прямо указывает, что идея синергии является ключевой в поддержании духовного бытия русской цивилизации, «способствовала развитию её как явления одновременно уникального и универсального». Трудно не согласиться с данным мнением Т.П. Берсеневой, которое находит в работе вполне системное и завершённое обоснование. Перед исследователем стояла задача разобраться в самом существе синергии

применительно к культурно-историческому творчеству. Синергия, по её мнению, входит в культурный код русской истории, что проявилось в развитии смыслов для человека «православно-ориентированного», воспитанного в традиции византийской и русской духовности и святости.

Важнейшим является концепт автора о смыслообразующей роли синергии в истории русской культуры. Автор выявляет временные отрезки, для которых особенно характерно воздействие синергийных моделей. Интересно также то, что автор стремится соединить, совместить синергетическую и диалектическую модели развития, и, как нам представляется, делает это вполне успешно (насколько это возможно). Подкупает исследовательская смелость автора, она строит «метакультурные» концепты, которые, на самом деле, могут найти подтверждение в реальных фактах и процессах нашей истории. Заслуживает одобрения и наличие выводов по каждой главе, т.е. автор выделяет каждый раз самое существенное и все эти выводы по трём главам согласуются друг с другом, образуя необходимый «концептуальный срез» для понимания сути содержания исследования.

Структура диссертационной работы вполне оправдана и не вызывает возражений. В первой главе «Сущностные характеристики православной идеи синергии» Т.П. Берсенева разбирает богословские основания концепции синергийной сущности русского культурного творчества. Вместе с тем, следовало бы, как нам представляется, больше принимать во внимание именно философские аспекты данной проблемы, обосновать возможность перевода вопроса о синергиях в поле философии культуры и, если угодно, «философской операционализации» богословских категорий. Впрочем, в том смысловом поле, где автор проводит своё исследование, задачи автором успешно выполнены и представлены трактовки проблемы синергий, в первую очередь, святоотеческом и поздневизантийском богословии. Главная мысль автора здесь (с которой можно согласиться) состоит в том, что без выявления богословских (в конечном счёте – молитвенных) основ русской

культуры трудно (скорее даже невозможно) понять её дальнейшую историю, причём этот исходный «архетип» продолжает оказывать некоторое влияние и на современное культурное сознание русского народа. Очень интересным является последний параграф данной главы, в котором сопоставляются идея синергии и диалектическая концепция развития (в том числе в марксистской интерпретации). Автор имеет право на такие рассуждения, хотя онтологическая основа православного синергизма и гегелевско-марксистской диалектики совершенно различна. Во второй главе «Синергийное взаимодействие в русской культуре» Т.П. Берсенева актуализирует понятие «синергия» применительно к русской культуре, признавая синергию в качестве идеального типа культурного взаимодействия (исходя из культур-диалогических концепций М.М. Бахтина и В.С. Библера), наряду с т.н. «псевдосинергийным типом» культурного взаимодействия. На самом феномене культурного взаимодействия автор останавливается достаточно подробно, ссылаясь также на соответствующие модели Е.А. Филимоновой, С.Д. Лебедева, С.А. Арутюнова. Анализ, проведённый Т.П. Берсеневой, говорит о её компетентности и очень хорошем владении исходным материалом для исследования. Очень актуальны рассуждения соискателя о феномене «псевдоморфоза» и «псевдосинергии», когда культурные институции начинают усваивать и принимать чуждые аутентичной традиции идеи. Третья глава диссертации «Периоды синергийного развития в русской культуре» посвящена присутствию идеи синергии в культурном творчестве в эпоху Древней Руси, а также на протяжении XIX и начала XX веков. Т.П. Берсенева фактически реанимирует концепцию «умозрение в красках» Е.Н. Трубецкого, рассматривая именно в таком контексте, в частности, творчество Феофана Грека и Андрея Рублёва. Крайне интересно сопоставление автором ряда крупнейших величин русской духовной и художественной культуры, например, А.С. Пушкина и Серафима Саровского, И.В. Киреевского и старца Макария, старца Амвросия и Ф.М. Достоевского. Автор пишет о влиянии православных ценностей на художников и композиторов. Даже в идейном

наследии Н.Г. Чернышевского автор видит влияние христианских идеалов и норм. При взгляде на историю культуры первой половины XX века автор первоочередное внимание уделяет наследию русских религиозных философов – П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, А.Ф. Лосеву.

Несмотря на высокую оценку диссертации в целом, имеются и некоторые замечания:

1. Остаётся не до конца прояснённым вопрос о том, что такое «синергийное развитие в русской культуре» как таковое в новейшее время. Есть ли продолжение этого развития сейчас или оно теперь не актуально? Необходимо было дать более основательный и глубокий анализ данному феномену именно в связи с современностью.

2. Само указание на то, что русская культура вплоть до начала XX в. формировалась под влиянием (пусть даже косвенным) идеи синергии требует пояснения, т.к. русская культура была весьма разнообразна в своих течениях и эстетических принципах, начиная с последователей французского Просвещения XVIII в. и вплоть до сторонников «критического реализма» в литературе XIX-го столетия. Нам представляется важной оговорка о том, что соискатель в своей диссертации касается именно «воцерковленной» культуры, связанной с религиозно-православным мироощущением, мистицизмом, духовным опытом старцев и т.п.

3. Пояснения требует тезис автора о существенном влиянии на русскую религиозную философию начала XX века восточной мистики (наряду с западным рационализмом). Нам представляется, что влияние именно восточной мистики автором сильно преувеличено. Среди отечественных религиозных философов встречались попытки реанимировать во многом идеализированную традицию брака и семьи цивилизаций древнего Востока (В.В. Розанов) или затронуть вопрос о «сердце в индийской мистике» (Б.П. Вышеславцев), но доказывать, аргументировать тезис о сколько-нибудь серьёзном влиянии мистической традиции Востока весьма трудно, если вообще возможно. Лучше автору было бы указать: «восточно-

христианской мистики», иначе создаётся двусмысленная ситуация с его оценкой влияния Востока. Тем более, что автор, ссылаясь на И.Ф. Мейендорфа, Н.А. Бердяева и Е.А. Торчинова, признаёт, что мистический опыт восточных школ и исихастов не то, чтобы совпадал, а даже во многом может быть признан противоположным по своим целям (данный тезис озвучен на с.82-84 диссертации).

4. В диссертации, на наш взгляд, содержится некоторый «переизбыток» богословской (большей частью сотериологической) терминологии и соответствующей аргументации (в основном, правда, в первой главе). Мы понимаем, что резко отделить в такого рода работах одно от другого непросто, но всё же хотелось бы видеть всё исследование в терминах больше культурологических и особенно философских.

5. Автор рассматривает признание синергийного взаимодействия двух разных потоков энергии в качестве пункта, по которому расходились католическая и православная традиции. На самом деле, в исторически развивавшемся католическом богословии (особенно в его мистической ветви) есть разные мнения на этот счёт, существуют разные интерпретации. Можно согласиться с точкой зрения Т.П. Берсеневой здесь, когда имеется в виду официальная доктрина, но среди католиков-мистиков могли быть иные суждения. Например, известны обвинения со стороны томистов в адрес сторонников молинизма (Луис де Молина – один из основоположников иезуитивизма) в «полупелагианстве», а на самом деле в уступках паламизму. Также один из классиков средневекового мистицизма Бернар Клервосский с его учением о предопределении весьма близко подходил к идее обожения, которую спустя пару веков отстаивали православные сторонники Григория Паламы. Ещё можно вспомнить некоторые сомнения сторонников официального католического богословия по отношению к Иоанну Кассиану Римлянину, которому также предъявляли претензии в «полупелагианских» взглядах. Можно также указать на монографию современного учёного М.Ю. Реутина «Христианский неоплатонизм XIV века. Опыт сравнительного

изучения богословских доктрин Иоанна Экхарта и Григория Паламы» (М.: РГГУ, 2011), где исследователь выявляет почти соприкосновения этих выдающихся христианских мыслителей. Известный историк философии А.Л. Доброхотов в данном контексте также отмечает: «Интересно, что техника (экхартовского) молитвенного созерцания Бога в молчащей тишине души имеет много общего с учением византийского «исихазма», расцветшего примерно в это же время на христианском Востоке» (см.: Доброхотов А.Л. Послесловие// Майстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991. С.191). Но, в целом, официальная доктрина католицизма (основанная на томизме) паламитскую версию идеи синергизма не принимала и здесь у нас нет расхождений с Т.П. Берсеневой.

6. Сомнителен тезис автора о богочеловеческой синергии как «главной идеи православия» (с.46 дисс.). Нам представляется, что лучше было бы указать: «одной из главных идей», такое указание сняло бы возможные претензии к автору на предмет, что он понимает в качестве «главной идеи» в православии.

7. Идея автора о «торжестве западной цивилизации в России» в XVIII веке (с.126) требует опять же пояснения, так как это «торжество» почти не затрагивало основную массу населения, а ведь мы говорим здесь о культуре, культурном укладе (диссертация по культурологии) – в чём это «торжество» состояло для «культурного уклада крестьян» и большинства мещанских слоёв?

8. Автор почти не пользуется текстами евразийцев (Н.С.Трубецкого, П.Н.Савицкого, Н.Н.Алексеева, П.П. Сувчинского и др.) при характеристике особенностей русской культуры, русского национального сознания. А между тем работы представителей данного направления русской социальной философии во многом созвучны основополагающим тезисам и выводам самого соискателя.

9. Во введении автор приводит упоминания авторов несколько, так сказать, небрежно, в результате в перечне авторов Гегель и Энгельс

«соседствуют» в перечне с современными исследователями, при сопоставлении идей синергийного и диалектического развития. Нам представляется, что степень различия в понимании самой сути указанных моделей развития настолько велика, что требуется каждый раз пояснение для такого «общего списка». И такие случаи не всегда оправданного отнесения в один перечень современных авторов и «классиков» философии XIX в. во введении встречаются неоднократно.

Несмотря на данные замечания, нам представляется, что диссертационная работа Т.П. Берсеневой представляет собой глубокое, самостоятельное исследование, автор внёс существенный вклад в понимание специфики отечественной культурной традиции в её взаимосвязи с православной традицией осознания опыта духовной жизни. Т.П. Берсенева, безусловно, заслуживает присуждения учёной степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры. Следует признать соответствие диссертации данной специальности и соответствие диссертационной работы Т.П. Берсенёвой требованиям п.9 Положения о присуждении учёных степеней.

5 ноября 2018 г.

Официальный оппонент,
доктор философских наук (09.00.03 – история философии),
профессор Департамента философии и религиоведения
Школы искусств и гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Дальневосточного федерального
университета» Пишун Сергей Викторович

690091, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8
Тел.: 8 (423) 243 23 15
E-mail: pishoons@mail.ru

Подпись Пишуно С.В.
удостоверяю Начальник отдела кадрового делопроизводства
ДВФУ
"09" 11 2018